
Ирина Габдулина
Родная кровь

Ирина Габдулина
Родная кровь

https://litres.ru/74915647
SelfPub; 2026

Аннотация

В девять лет Анна остается одна: родители умерли, а родной дед - богатый кубанский конезаводчик, не простивший дочери побега с батраком, -прогонит внучку с порога и грозит спустить собак. Девочке предлагают стать нянькой в семье тифлисского торговца Давида и его жены.

Именно в Тифлисе Анна обретает настоящий дом, любимое дело и людей, ставших ей роднее крови. Но впереди - Первая мировая война, революция и смута, которые перевернут судьбы миллионов. Спустя пятнадцать лет на пороге ее уютной тифлисской лавки появляется нищий, сломленный старик-беженец, и Анне предстоит сделать самый трудный выбор в своей жизни.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Ирина Габдулина
Родная кровь

Глава 1

Глава 1

Когда мне исполнилось девять, я впервые поняла, что гордость и боль одних людей могут растоптать жизнь другим – даже если те другие их собственные дети.

Историю своей семьи я собирала из обрывков скупых рассказов отца, перешептываний соседей и единственного шелкового платка, оставшегося мне от матери, который так выбивался из нашего привычного уклада жизни.

Мама выросла в богатом доме. Ее отец – мой дед – был крупным конезаводчиком, человеком властным, привыкшим, что его слово – закон для всех. Едва маме исполнилось шестнадцать, он просватал ее за городского купца. Мама рыдала, падала в ноги, просила пожалеть ее, но дед оставался непреклонен.

В ночь перед венчанием она сбежала из отцовского дома с Иваном – молодым конюхом, моим отцом...

В ту же ночь случилась беда: погнавшийся за беглецами старший брат мамы, Гриша, сорвался в темноте с обрыва у

переправы и погиб. Дед так и не простил этого, проклял дочь и до конца дней считал, что это они с отцом погубили его сына.

Только бабушка втайне от мужа плакала по ночам и через верного кучера изредка передавала маме мелкие монеты, завязанные в узелок.

Эти деньги не раз спасали нас от голода. Отец брался за любую работу: колол дрова, чистил чужие хлева, разгружал телеги, но жили мы все равно в крошечной покосившейся мазанке на окраине станицы. Ели пустую похлебку, мерзли зимой, но, несмотря ни на что, были счастливы.

Когда мне шел четвертый год, мы готовились к рождению малыша, спорили об имени. Я помню, что гордилась тем, что стану старшей сестрой.

Но роды начались раньше срока, темной ноябрьской ночью. Повитуха прибежала слишком поздно. Мама умирала тяжело – и ушла на рассвете вместе с моим едва родившимся братиком.

После их смерти и без того неразговорчивый отец замкнулся окончательно. Нет, он не бросил меня – по-прежнему отдавал лучший кусок, кутал в свой старый полушубок, латал мои дырявые чирики и молча гладил по голове своей жесткой ладонью. Но внутри у него что-то как будто оборвалось. Он надрывался на непосильной работе, кашлял кровью и однажды промозглым утром просто не проснулся. Это был конец февраля. Мне тогда только-только исполнилось девять

лет.

Я осталась совершенно одна. В голове стучали слова, сказанные отцом незадолго до смерти: «Если со мной что случится – иди за реку, в хутор Вольный. Там в большом кирпичном доме под железной крышей живут твои дед с бабкой. Они не звери, примут».

Я шла туда пешком почти полдня – в латаных чириках, в материнском платке на худеньких плечах. Когда я подошла к высокой каменной ограде, за которой виднелась крыша огромного дома, у меня замерло сердце: после нашей покосившейся мазанки он показался мне дворцом.

Тяжелую дверь открыл сам хозяин – рослый, крепкий мужчина с густой проседью в бороде, в распахнутом на меху бешмете.

Из-за его плеча выглянула женщина. Я смотрела на них снизу вверх, боясь пошевелиться.

Женщина внимательно посмотрела на меня и вдруг ахнула, прижала ладони к губам, шагнув ко мне:

– Леночкина… Живая…

– Стой, – гулко бросил дед.

Бабушка дернулась и отступила в тень. Дед подошел ко мне вплотную. От него пахло дорогим табаком. Он вгляделся в мои серые отцовские глаза, и лицо его потемнело.

– Зачем пришла? – спросил он тихо.

– Дедушка… Мама давно померла, а батя на прошлой неделе, – пролепетала я, сжимая от волнения кулаки в кар-

манах старенькой свитки. – Мне некуда идти.

Дед отвернулся от меня.

– Нет у меня никакой дочери. И внуков нет, – отрезал он без крика, страшно и буднично. – Убирайся. Еще раз у ворот увижу – собак спущу.

Бабушка беззвучно затряслась, закрыв рот платком, но поперек слова мужа не пошла. Дед махнул работнику, меня взяли за шиворот и вытолкали со двора. Тяжелая кованая калитка лязгнула за спиной.

Я вернулась домой. Следующие два месяца слились в один сплошной голодный туман. Иногда соседи совали мне вареную картофелину или краюху хлеба, но лишний рот в бедных семьях был никому не нужен. Я ночевала где придется, мыла полы в лавках за миску похлебки и засыпала с одной мыслью – дотянуть до тепла.

Вскоре мне повезло.

В нашей станице проездом остановилась молодая зажиточная семья: торговец тканями Давид и его жена Нино. У них недавно родился сын, и перед долгой обратной дорогой они искали помощницу.

Нино заметила меня на базарной площади, когда я помогала торговке перебирать подгнивший лук. Подошла, внимательно посмотрела на меня.

– Девочка, сирота, да? – спросила она с мягким южным акцентом.

Я молча кивнула.

– Как тебя зовут?

– Анна, – тихо ответила я, глядя в землю.

Нино на секунду задумалась, а потом ласково улыбнулась:

– Анна… Хорошее имя. Послушай, Анна, а с малышом справишься? Люльку качать, пеленка стирать, по дому помочь? Мы скоро уезжаем. Дорога долгая. Но обижать не будем, не бойся. Отогреешься, отъешься. Пойдешь к нам нянькой, да?

Мне было девять лет. Позади у меня были только две могилы на старом кладбище и закрытые ворота за рекой.

– Пойду, – тихо сказала я.

Уже через неделю мы ехали в тарантасе. Родная станица оставалась далеко позади.

Впереди была Грузия – незнакомая, далекая сторона. Я не знала, что ждет меня в конце пути. Боялась ли я? Да, отчаянно. До дрожи. Но впервые за много месяцев мне не нужно было думать, что съесть на ужин.

Глава 2

Несмотря на то, что Давид и Нино относились ко мне ласково, я до конца не верила в их доброту. А минуты, когда они, разговаривая между собой, переходили на грузинский, были особо тяжелыми. Я не понимала ни слова. Мне казалось, что я им в тягость, и они говорят о том, чтобы оставить меня.

Поэтому я старалась не мешать: лишний раз не просила ни воды, ни хлеба, молча жалась в углу тарантаса. Но стоило малышу заплакать, как сразу брала его на руки.

Наконец мы приехали. Дом Давида стоял на окраине Тифлиса – светлый, с широким деревянным балконом, обвитым старой виноградной лозой.

Когда ворота за нами закрылись, я невольно сжалась.

– Заходи, швило, не бойся, – Нино ласково подтолкнула меня в спину. – Теперь это и твой дом тоже.

Внутри пахло совсем не так, как в нашей стылой мазанке. Воздух был густым от ароматов сухих трав и старого дерева.

В небольшой комнате рядом с кухней для меня поставили деревянную кровать. Нино застелила постель, которая пахла незнакомыми травами. В первую ночь я побоялась лечь на нее и уснула прямо на полу, подложив под голову свой узелок.

Утром Нино нашла меня там. Она не рассердилась, а толь-

ко присела рядом, провела ладонью по моим волосам и тихо вздохнула:

– Вай, Анна! Зачем на полу легла, а? Не бойся. Здесь никто не обидит. И знаешь, Анна – хорошее имя, но слишком уж строгое для такой худышки, – улыбнулась она. – У нас ты будешь Анико. Анико – ласковее, правда, да?

В тот же вечер Нино села перешивать для меня свое платье, а мое старье бросила в печь. От прошлой жизни остался только мамин шелковый платок. Нино бережно сложила его:

– Вай, какой шелк… Дорогой платок. Откуда у тебя такой, Анико?

– Мамин, – ответила я тихо и впервые за все время зарыдала в голос.

В этом единственном платке, который остался у меня от старой жизни, соединились воспоминания о родителях: ласковый голос матери и грубые руки отца.

Нино прижала меня к себе и прошептала:

– Береги – береги его, Анико. Не плачь, моя хорошая, не плачь…

Я училась жить заново. Днем нянчила маленького Гиго и помогала Нино по хозяйству, а по вечерам, бежала в лавку к Давиду. Там я завороженно смотрела, как Давид разбирает тюки с товаром: рулоны тяжелого персидского шелка, тончайшего батиста и переливающейся парчи.

Давид быстро заметил мой взгляд. Однажды он протянул мне лоскут темно-синего бархата:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.